

БЫТЬ ЗЕРКАЛОМ

Секрет Святослава Рихтера

Наталья Осминская

Бруно Монсенжон. Рихтер. Диалоги. Дневники.
— М.: Классика-XXI, 2002, 480 с.

Книга сделана по хорошо известному в артистической среде рецепту: Маэстро говорит — за ним записывают. Потом записи расшифровывают, аранжируют, снабжают комментариями, добавляют что-нибудь из архива. Получается нечто вроде автобиографических материалов к ненаписанной биографии. Это максимум, что может ждать меломан от своего кумира, не желающего браться за перо и бумагу.

В случае с Рихтером — это не просто автобиографические посылки. Это труд самопреодоления.

Рихтер, как известно, не любил говорить о себе, как, впрочем, вообще о чем-либо, что не имело отношения к музыке. Такое по крайней мере складывается впечатление по этой книге, в особенности по предисловию, написанному Бруно Монсенжоном и объясняющему, как появились «Диалоги. Дневники».

А дело было так. В 1995 году Рихтер — он жил тогда в Париже — вдруг выразил желание, чтобы

ре, с которым лично был едва знаком. И вот сам Маэстро, можно сказать, благословлял его на работу, но при этом не шел на контакт, и не то чтобы о съемках, но и об устной беседе не могло быть и речи.

Как удалось Бруно Монсенжону пробить панцирь рихтеровской неразговорчивости, об этом говорить не досуг. В конце концов было записано несколько магнитофонных пленок с беседами Рихтера и Монсенжона.

Третья часть — «Рихтер в цифрах». Это свод таблиц и диаграмм, наглядно демонстрирующих концертную активность и репертуарную необъятность рихтеровского гения. Впрочем, диаграммы — это уже на грани курьеза.

Две первые главы — это, как уже говорилось, минимальная дистанция, на которую подпускает к себе Рихтер. В «Диалогах» он рассказывает о некоторых эпизодах своей жизни. Рассказывает

О музыкальных вкусах Рихтера позволяет судить вторая часть книги, «Дневники». Эти записи Рихтер вел с поразительной педантичностью: дата, название произведения, исполнитель, способ прослушивания (радио, телепередача, пластинка) и мысли, замечания по поводу. Так с 1970 по 1995 год. Единственный адекватный способ прочтения этих записей — слушать ту же музыку и в том же исполнении. И если это займет у вас 24 часа в сутки

В середине 1940-е за Рихтером была установлена слежка. Он об этом знал и не упускал случая подшутить над преследователями.

Был снят фильм «Рихтер непокоренный» — виртуозная работа

неохотно, скупое, безо всякой хронологической системы (ее потом воссоздал Бруно Монсенжон). А если и поддается на расспросы собеседника, то неизменно с оговоркой: «Все это, впрочем, имеет мало отношения к музыке».

Именно этот рефрен, как кажется, и будет ключом к исключительной сдержанности Рихтера как рассказчика, а отсюда, если угодно, и к тайнам его внутреннего мира. Все, что не было музыкой и не могло ею стать, все это мало интересовало Рихтера. Его не интересовала политика. Его не интересовало благосостояние. Его не интересовал артистический успех. Его не интересовала публика. Его даже не интересовал тот инструмент, на котором ему предстояло играть концерт.

Его интересовала только музыка. И еще литература, особенно Марсель Пруст, которого он читал запоем.

на протяжении 25 лет, то это и будет вашим первым приближением к тайне Рихтера.

Тут нет ни йоты преувеличения. Судите сами: «Я играл все более раскованно по мере того, как избавлялся от пут существования, от всего лишнего, всего, что отвлекает от главного. Я обрел свободу, замкнувшись в себе». А вот секрет его исполнительского искусства: «Я внимательно смотрел в ноты. Ничего другого и не требуется, чтобы стать зеркалом содержащегося в них».

Конечно, требуется, не согласитесь вы. Требуется природный гений, работоспособность, счастливый случай, да и мало ли еще что, о чем обычно пишут в биографии гения.

Но это уже — взгляд со стороны. А на деле выходит, что весь секрет в самоотдаче.

Но так ли это просто — быть зеркалом?

Рихтера даже не интересовал инструмент, на котором ему предстояло играть концерт

французский кинорежиссер Бруно Монсенжон «сделал его биографию». Об этом Монсенжону сообщила помощница пианиста. Сам Рихтер от встреч категорически отказывался. Монсенжон недоумевал. К тому времени он снял несколько документальных лент о великих музыкантах (Иегуди Менухине, Давиде Ойстрахе) и, конечно, лелеял мечту сделать фильм о Рихтере.

режиссера-постановщика, вынужденного считаться с патологической неприязнью пианиста к кинокамере. Наконец, из книжного шкафа московской квартиры Рихтера было извлечено несколько клетчатых тетрадей, сплошь испещренных записями. Расшифрованные беседы составили первую часть книги — «Диалоги». Записи из тетрадей — ее второй раздел, «Дневники».